ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

5

2002

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На хуторе обосновался вернувшийся из райцентра Алеша Батаков — домовитый, хозяйственный, всякое дело в руках горит. И дел этих в деревне — не переделать!

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«СКОЛЬ РАБОТЫ, ПЕТРОВИЧ…»

Подворье Алеши Батакова обычно встречает и провожает меня собачьим лаем: заливистая шавка — у ворот; у скотьих базов — волкодав в добрую телушку ростом глухо гавкнет, глядит: куда правишься. Хозяина не видать.

Подворье, даже по меркам хуторским, огромное: подле забора — малая хатка, а дальше — город: скотьи катухи, сараи, крытые да выгульные базы, скирды сенника, а еще — немереные огород да сад, которые тянутся в упор до займищного леса. Где-то там, в глубине своего просторного государства, Алеша. Заросшее недельной щетиной лицо, вваленные щеки, худое жилистое тело. «Петрович, сколь работы…» — обычное присловье его.

Видимся нечасто. Больше — на ходу.

Вечером, уже в полутьме, на лошади скачет, остановится:

— Бычки другой день домой не идут, — жалуется. — С чеченскими свалахтались, уходят на просо, аж к Змеиному рыну. Это ведь до поры… Надо искать да гнать. — И поскакал в гору. Пригонит бычков поздно, уже в ночи.

Чуть свет, на заре, на берег идем с приятелем, к лодке, навстречу громыхает Алешин тракторенок. Уже от воды. В тележке — мотор, сети да ящики с рыбой, коли есть она. Порою мимо проскочит, лишь рукой покажет: мол, спешу; чаще остановится, не выключая движка, доложит: «Сплыл на леща… Сплыл на чехонь…» И результат. Закончит обычным: «Петрович, на уху возьмешь?» «Спасибо, сами поймаем». — «Ну гляди… Будешь уезжать — упреди. Посерьезней чего добудем…» И покатил дальше.

Вечером возвращаюсь от речки и займища мимо Алешиного подворья. Сумерки. Солнце уже опустилось за Львовичеву гору. Шавка залаяла. На ступенях крылечка что-то шевельнулось. Глянул: Алеша сидит.

— Здоро́во дневали, — говорю.

— Слава богу, Петрович, заходи. — И на шавку прицыкнул, а сам сидит на ступенях.

Я вошел во двор, он лишь тогда медленно приподнялся, посмеялся над собой:

— До хаты добрался, а взойти не могу… Ныне жену отправлял, в три поднялся, поехал, три раза сплыл. Надо, Петрович… Отвез жену прямиком к базару. Вернулся, сколь работы, Петрович, не присел за день. Одно за другое цепляет.

Скотина, птица, огород… Вот прибился к хате, присел и не встану. А надо еще собак покормить да и самому… Тебя чем угостить, Петрович?.. Либо чехонью? Хорошая подошла…

Я отнекался и, быстро распрощавшись, ушел. Какие уж тут беседы…

Другое дело — днем. Идешь мимо, увидишь, окликнешь: «Здорово работа́ли!» — «Слава богу, Петрович! Заходи, попроведай…»

Побритый, улыбчивый, ясноглазый, Алеша глядит молодо, как и положено в тридцать с немногим лет; тем более, что он на лицо худощав и телом костляв и жилист, подвижен, на ногу скор.

— Новости какие? — любопытствует он. — В городе, в Москве? Мы тут потонули в навозе. Ничего не знаем. Газет не видим. Да и когда их читать, Петрович? Сколь работы… Телевизор паутиной оброс, летом про него и забыли… Сколь работы… Пойдем поглядишь мое хозяйство. Хвалиться особо нечем. Надумал вот хату строить…

Про хату давно было сказано. Два ли, три года назад притянул Алеша трактором ребристые молотильные катки с Евлампиевского хутора, с его руин. В древние годы этими катками, вырубленными из дикого камня-песчаника, молотили хлеб на токах, потом катки приспособили ставить фундаментом, под первый венец. Вот и Алеша на них позарился, трактором приволок, потом оправдывался, что они лежат без дела:

— Петрович, сами-то ладно, а скотина должна под крышей стоять. Иначе с нее не спросишь. Это мне отец всегда говорил. А он по скотине был первый. И гуляк держал, и овечек, и коз. Помногу. За что и выжили… Петрович, птица под белым небом лишь днем, а ночью надо в тепле… Тем более на гнезде, — внушал он. Петрович, она хоть и свиньей зовется, но в сырости, при сквозняке жить не будет, — убеждал он меня.

Его отец когда-то жил здесь. Батаковых подворье старые люди еще помнят. Оно давно в руинах.

Дело в том, что на хуторе Алеша — новосел, хотя и здешний рожак. Когда-то Батаковы здесь жили, а потом ушли в райцентр. Там и Алеша трудился на судоремонтном заводе. Женился, двоих сыновей народил, построил дом — все как положено.

А потом начались горькие перемены. Все закрылось. Невеликие заводики: авторемонтный, судоремонтный, металлопроволочный, «Сельхозтехника» и прочее. Бродят мужики по райцентру с утра до ночи, друг об друга бьются. Нет работы.

У Алеши сыновья — малолетки, жена, сам — четвертый… Вот и приехал на старые пепелища. Стали жить враскорячку: дом — в райцентре, там — школа, там учатся сыновья и, конечно, мать

при них, хозяин — на хуторе.

Брошенную развалюху-«саманку» подправил, на землю нынче, слава богу, запрета нет.

— Петрович, тут столь делов… — показывал он свое хозяйство при знакомстве и первых встречах. — Тут работать и работать…

Летом приезжают жена да сыновья. «Трудятся, как мураши… — говорят о них. — На речку не ходят».

«Речка» — это вроде хуторского бульвара ли, клуба для молодых. Городские внуки там кувыркаются на зеленой травке, загорают, в воде бултыхаются, крутят любовь. Алешиных ребят там не видно.

Да их и нигде не видно. Батаковская усадьба в полхутора. Как не затеряться среди скотьих сараев, катухов, базов да навесов, а еще — молодой сад, огородная плантация.

— Петрович, тут делов…

«Делов» и в самом деле немало. Тот же погреб. Кажется, что в нем? Обычная крытая яма с «выходом». Летом там холодок. Для молока, для всякого варева хорошо. Не скиснет. Зимой хранится картошка да другой овощ. Сам когда-то копал в доме своем, в поселке. Крышу менял, когда подпревала. Сосед мой, хозяйственный дед Петро, погреб соорудил — всей улице на удивленье, ходили на экскурсию. Широкий спуск по ступеням, а внизу — простор: картофельный закром, полки для банок с вареньем-соленьем, место для бочек, высокий потолок, труба для вытяжки — словом, хоромы. Но что дед Петро…

Алешин погреб, когда я лишь заглянул в него, обомлев, это что-то немыслимое: вроде станции метро. Глубоченный бункер в два этажа с перекрытием. Дикого камня кладка на растворе. Электрический свет.

— Петрович, — убеждал меня Алеша, — погреб для хуторского быта — первое дело. Это в городе — холодильник, бросил кусок мяса — и все. А у нас… Молоко кислое, пресное, творог… А картошки сколь… А свеклы, моркови. Себе, скотине…

Мы опускались в глубины погреба, в глухие низы.

— Петрович… — внушал мне Алеша. — Сам знаешь, рыбой заниматься без погреба — пустой номер. При нашей жаре погубишь или за так отдашь… Такие труды, ночьми не спишь, хоронишься, а проку… С погребом — уже моя воля. Цену не дают! Я засолю по-хорошему. Она в тузлуке все лето пролежит. Нужно, отмочил да повялил — и все в дело.

На воле полыхало жаркое лето. В подземной глубине было холодно. Поднявшись наверх, я с удовольствием подставлял озябшую спину солнышку, согреваясь. И вдруг иной холодок меня

пронизал. Хозяин стоял возле: вовсе не богатырь, кожа да кости, жилистые плети рук, узкие плечи, втянутый живот, про таких говорят у нас: на балык ли, в дощеку высох. А рядом — это каменное подземелье, колодезная глубина его, в два этажа, просторные своды…

— Алеша… — спросил я. — Ты как его сделал?

Это был пустой вопрос, потому что знал я: никаких экскаваторов, бульдозеров, никакой техники и никакой помощи, кроме сыновьей, а они ребятишки… не было ничего.

Но ведь сделано. Я только что вылез оттуда, из холодного подземелья. Такую страсть лишь выкопать, столько земли выбросить, да еще с такой глубины ее тягать надо ведрами, да заготовить камень, привезти, опустить вниз, выложить стены, дважды перекрыть… Он стоит, светлыми глазами хлопает, вздыхает, повторяя свое:

— Петрович, сколь работы… Сколь работы, Петрович… А куда денешься… без погреба, сам понимаешь… Жизнь хуторская — это не город. Тем более рыбой заниматься…

Что тут скажешь… лишь повторишь, Алеше вослед: «Сколь работы…»

И только ли погреб? А скотьи сараи, базы, птичник, два артезианских колодца — во дворе и на плантации, — цистерны для воды, железные трубы по всему огороду и саду.

— Петрович… — внушал он мне. — При нашей жаре день и ночь надо лить. Что капусту, что помидоры… А уж молодые садины, особенно яблоньки, груши… Дед Астах — люди и ныне помнят — ночи напролет, бывало, возит из речки и поливает. Батаков сад, ты слыхал, наверное, по-над речкой. И мельница там была, Батакова… За что и пропал. А без воды у нас ни в чем росту не будет, нечего и затевать.

В первую зиму он ставил забор. Из займища на санках — тогда у него и трактора не было — возит и возит жерди. На пиле под навесом «распускает» их вдоль, снимает кору. Только и видишь его: тянет сани, согнувшись. Только и слышишь: визжит пила, даже ночью, когда выходишь из дома. Зимняя ночная хмарь, снег по земле. Хутора во тьме не видать, лишь редкие огни. И голос пилы-циркулярки.

Встретишь его, в займище ли, на пути, он объясняет:

— Петрович, это же — скотина… Тем более у чеченов, они вовсе не пасут. Трудись все лето на огороде, вырасти, а они зараз снесут, а свиньи если залезут. Дикие приходят… Забор надо настоящий, Петрович… Сколь работы. Но куда деваться…

Закурит — и потянул немалый, крепко увязанный воз. Добро, что зима была снежная. Дорогу накатал. Деревянные полозья

идут легко.

Ставил он забор с сыновьями. И теперь, когда мимо иду, не удержусь: подойду и потрогаю. Ровные струганые плашки. У каждого гвоздя под шляпкой еще и шайба. А сверху — краской закрыто. Тут никакая ржа не возьмет. Плашка за плашкой, пролет за пролетом… Тянется и тянется. Конца нет. Охват — километра два, не меньше. «Сколь работы, Петрович…»

Но это все — прошлое. Нынче Алешу, как на хуторе говорят, «рукой не достанешь». Коровы, быки, телята — табун немалый. Лошади есть, их татары берут. Свиноматки племенные. Поросята свои, это уже полдела. Десятка два, наверное, всегда на откорме. Конечно, птица: куры, гуси хорошие, белые. Огород, сад. Колесный трактор, хоть и старенький. Машина с прицепом «уазик». Для наших дорог — лучше не надо. Алеша занимается рыбой. Цены теперь неплохие. Перекупщиков — море. Лишь свистни. Но рыба — дело нелегкое. Весна, на воде холод; тем более, потаясь, ночью. Сладкого мало. Но где оно, сладкое?

Иногда Алеша спросит меня:

— Петрович, ты все же повыше… Когда же наладится? Заводы стоят… Я заезжаю иногда, кое-какие железки нужны. Погляжу — аж страшно… Но ведь без этого не обойтись, без техники?

Он глядит на меня с надеждой. А что я отвечу…

— Это же важное, понимаешь, Петрович. Мы делали водометные катера, баржи. На всю страну. Это ведь — нужное.

Мне кажется, что он по своему заводу тоскует. И чего-то ждет. А день нынешний — лишь для прокорма: сыновья, жена. Потому и раскорячка: райцентр и хутор.

Но время бежит. Старшего сына нынче забрали в армию.

— Петрович, все понимаю: долг, все мы отслужили, обязаны. Но сколь делов… Он парень до работы цапучий. Ни подгонять, ни подсказывать. Упрется как бычок. А ныне — ну вроде руку обрезали. А тот — еще молодой. И жена — при нем, не кинешь. Самый возраст. А здесь сколь работы, Петрович…

— Надо кого-то брать, — предлагаю я. — Бича привези. Будешь кормить, платить помаленьку. Ему хорошо и тебе. Чечены держат…

— Это надо привычку иметь, — вздыхает он. — Как-то неловко, вроде батрак. Я уж думал. Но надо чтобы по-людски жил человек… А у меня и жить толком негде. Мазанка… Дом строить… Сколь работы с ним, Петрович…

Разговор этот был в пору осеннюю. Потом долго не виделись.

Зимой возвращался я как-то с речки, ходил окуней дергать. День был ненастный. С утра проглянуло солнце, а потом стало гаснуть. По речке, на льду, дуло, мело. Поначалу шла метель

низовая — кура. А потом повалил снег, и все смешалось в белесой мгле. Уже ни холмов, ни речки, а снежная круговерть.

Но все это — недалеко от хутора. Никакой беды. Одежда теплая. Пробирался я к дому, прикрывая лицо от ветра и снега. Прошел низину, заросшую вербой да тополем, и вот он — хутор, которого не видать. Лишь белесая мгла, ветер, снег. Но понятно, куда идти, ноги сами несут мимо подворья Алеши Батакова. Почуяв меня, глухо заворчала овчарка. Значит, рядом забор. Обогнул его и услышал стук. Рядом стучали, по дереву. Я остановился.

Все так же сыпало и мело. Под ветром снег летел сверху и снизу. Пуржило. Рядом серой мутью проглядывали ворота. Залилась лаем шавка, стук оборвался. Через снежную круговерть, глуховато, раздался голос:

— Кого бог несет?

По голосу узнал я Алешу, громко ответил:

— Гости идут! Гости!!

Открыл я воротца, а тут и хозяин встретил меня радостным возгласом:

— Петрович! Либо блукаешь?! Рыбалил?! — углядел он мои снасти и рассмеялся: — Нужда?.. По такой пурге.

— У меня-то нужда, — ответил я в тон. — Голод — не тетка, и в пургу погонит. А ты вот чего колотишь?

— Заходи, поглядишь. Проходи, проходи. В доме затишно.

Во дворе, в снежной метельной белеси, углядел я каркас строящегося дома. Вослед за хозяином поднялся по трапу, но обещанного затишья не отыскал, хотя одна из стен наполовину была закрыта.

— В горнице сядем? — посмеиваясь, спросил Алеша. — Или на кухне? У печки теплее.

— Кабы не вспотеть, — ответил я. — Выбрал ты время для стройки…

— Самая пора, Петрович. Ни сенокоса теперь, ни посадки, ни полива, жука не надо морить, заниматься рассадой, скотину пасти тоже не надо, и рыба не идет, лишь самые жадные, вроде тебя, хвост морозят. А я каркас заготовил еще по осени, сын приехал, поставили… Теперь лишь — колоти… Весной помажется, и помаленьку… Осенью — новоселье, приезжай, — пригласил радушный хозяин.

Я лишь головой покачал, произнеся присловье Алешино:

— Сколь работы…

Хоть и не больно высоко поднят был каркас над землей, но казалось, что здесь метет и дует яростней, даже снизу несло, из щелей настила.

Долго не поговоришь. Я быстро распрощался. Хозяин проводил меня до ворот: телогреечка-ватник, солдатским ремнем подпоясанная, шапка-ушанка, под ней острый нос, небритые ввалённые щеки, а глаза весёлые.

— Про новоселье не забудь…

Он успел нырнуть куда-то в белесую невидь, предупредив: «Погоди…» — и мигом вернулся с гостинцем — вяленой рыбой: пяток увесистых синцов осеннего посола.

От Алешиного подворья до теплого моего жилья путь недолгий.

Добравшись, я сбросил в сенях тяжелую шубу да валенки. А потом налегке в натопленной хате чаевничал. И Алешиного синца разодрал, не выдержал.

Серебристая тонкая шкурка. Под ней — розовая нежная мякоть, текучий жир, невеликая грудка икры в ястыковой пелене, прозрачные боковины с тонкими ребрышками, головка, плавники, брюшина — все едовое. Ешь, смачно вгрызаешься, сосешь, причмокивая, и шумно нюхаешь, впиваешься глазами в сладкий кус. И жадно косишь на тот, что рядом.

Нет, это — не еда, не утоление плоти, но праздник ее.

Хороша рыбка у Алеши Батакова, а уж осенний посол и вовсе сказка.